

БИДЭМ КР.

**ВИДОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ
«БЫТЬ + СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ»**

Русская конструкция, которая состоит из вспомогательного глагола *быть* и страдательного причастия и образуется посредством суфф. *-н/-ин-* (ср., например, *Книга прочитана учеником*), традиционно рассматривается в качестве залогового образования. В настоящей статье представлена другая точка зрения, согласно которой указанная конструкция служит выражением видовых отношений ([1, 2], ср. [3]). Ниже мы попытаемся объяснить форму, значение и сочетаемость рассматриваемой конструкции¹.

Основанием рассмотрения страдательного оборота как залогового является прежде всего то, что подлежащее в пассиве обозначает реальный объект действия в отличие от действительного залога, где подлежащее обозначает действующее лицо. Обычно считают, что прямое дополнение действительной конструкции становится подлежащим в страдательной конструкции. Значение страдательного залога объясняется следующим образом: действительный и страдательный залоги однозначны, но в действительном обороте подлежащее — действующее лицо, а в страдательном — реальный объект действия (действующее лицо выступает в качестве дополнения в творительном падеже). Ср., например, *Ученик прочитал книгу — Книга прочитана учеником*. При этом только переходные глаголы образуют страдательную форму [4, с. 412—414]. Причастно-пассивная форма образуется прежде всего от глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида, как правило, не образуют причастного пассива, а образуют только возвратный пассив при помощи суфф. *-ся* [4, с. 502].

В изложенной концепции можно обнаружить целый ряд неясностей и противоречий. Например, переход от действительного залога к страдательному — очень сложный процесс: два существительных изменяют позицию в предложении и падеж; вводится вспомогательный глагол *быть*, личная форма глагола изменяется на причастие. Но семантический эффект при этом минимален: изменение порядка слов не ведет к каким-либо функциональным изменениям. Правда, изменяется тема предложения: в активе тема — действующее лицо, а в пассиве — реальный объект действия [5]. Спрашивается, чем обусловлены столь сложные морфологические и синтаксические изменения, не сопровождаемые какими-либо семантическими сдвигами? Если активный и пассивный обороты — синонимы, почему действующее лицо является облигаторным в действительном залоге, но факультативно в страдательном? Отметим также, что страдательный оборот все же не полностью совпадает по значению с действительным. Почему это происходит и в чем семантические различия актива и пассива?

¹ Наш анализ касается только страдательной конструкции «*быть* + причастие», а не страдательных образований с суфф. *-ся* (ср., например, русск. *План выполняется шатрами*). Мы также специально не касаемся и возвратно-пассивных форм глагола.

Кроме того, почему при переходе от актива к пассиву нередко изменяется временная характеристика предложения (в упомянутом выше примере, который мы взяли из [4, с. 414], активный вариант *Ученик прочитал книгу* стоит в прошедшем времени, а пассивный вариант *Книга прочитана учеником* — в настоящем)? Концепция, согласно которой рассматриваемая конструкция считается залоговой, подразумевает, что причастный пассив образуется, как правило, только от глаголов совершенного вида. Но почему? Почему причастно-пассивная форма несовершенного вида глагола не употребительна? Залоговая концепция страдательного оборота не дает ответа на этот вопрос. Кроме того, при отрицании страдательное причастие от глаголов несовершенного вида вполне употребительно. Например, *Пол мыт* (от глагола несовершенного вида *мыть*) звучит как разговорное или архаичное: следовало бы сказать *Пол вымыт*, употребляя совершенный вид глагола *вымыть*. Но предложение *Пол не мыт* (от глагола несовершенного вида с отрицанием) вполне соответствует литературным нормам современного русского языка [6]. Анализ страдательного оборота, базирующийся на рассмотрении его как залогового, опять-таки не может объяснить этого явления. Глаголы одноактного способа действия на *-нуть* (например, *плеснуть*, *кольнуть*) также трудно интерпретируются в свете залоговой теории. Ведь это глаголы совершенного вида, однако очень многие из них не образуют причастно-пассивной формы [7]. Последний пункт нашей критики залоговой концепции причастного пассива касается известного факта, выражающегося в том, что многие переходные глаголы совершенного вида или вообще не образуют причастно-страдательной формы, или не могут выступать в определенных страдательных конструкциях. Например: *Председатель поблагодарил Ивана* — **Иван был благодарен председателем*; *Виктор пожалел Наташу* — **Наташа была пожалета Виктором*; *Борис Андреевич твердо настоял на необходимости возвратиться домой* — **На необходимости возвратиться домой было твердо настояно Борисом Андреевичем* [8, с. 156]; *Инженер проработал целую неделю над этим проектом* — **Целая неделя была проработана инженером над этим проектом* [8, с. 144]; *Человек почувствовал приближение осени* — **Приближение осени было почувствовано человеком* [9]. Согласно залоговой концепции пассива, все приведенные страдательные конструкции возможны, хотя они, безусловно, грамматически некорректны.

Данные проблемы и противоречия не существуют в самом русском языке, в его структуре. Они возникают в результате определенного способа лингвистического рассмотрения причастного пассива, а именно анализа его как залогового образования. Если рассматривать причастный пассив в качестве видовой конструкции, то все упомянутые противоречия снимаются. Перейдем к изложению видовой концепции причастного пассива.

Страдательная конструкция русского языка, образующаяся с помощью вспомогательного глагола *«быть»* + страдательное причастие, — это видовое образование. Речь идет о той же конструкции, которая в других языках представлена перфектным оборотом (например, в английском *«have + -ed»*: *John has read the book*). Причастный пассив обозначает новое состояние, которое возникает в результате предшествующего действия. Лицо или предмет, выступающие в роли подлежащего, не производят действия, а как бы испытывают на себе чье-либо действие, являясь точкой приложения этого действия. Сочетаемость причастного пассива определяется лексическим видовым значением глагола и тем явлением, которое Х. И. Веркейль называет композиционной, или составной видовой ха-

рактической предложением, т. е. общим видовым значением цельного предложения. Последнее обуславливается воздействием лексического значения подлежащего, дополнений или обстоятельств в пределах предложения [10]. В понятие лексического вида включается способ действия. Эта особенность сочетаемости причастного пассива характерна для всех видовых конструкций типа «вспомогательный глагол + причастие». Очень важным моментом этой сочетаемости является тот известный факт, что страдательное причастие, как правило, не сочетается с глаголами несовершенного вида. Это объясняется тем, что значение страдательного причастия не сочетается со значением несовершенного вида. Таким образом, возможность образования причастного пассива зависит не от переходности глагола, а от лексического вида глагола, а возможность употребления причастного пассива в определенном предложении зависит тоже не от переходности глагола, а от композиционного вида предложения.

Взаимосочетаемость различных типов видовых конструкций исследовал П. Фридрих ([11], ср. [12, 13]). Различается три типа таких конструкций: 1) лексические видовые образования, типичные для русского языка; 2) обороты типа «вспомогательный глагол + причастие», например, английская перфектная конструкция «*have* + перфектное причастие на *-ed*»: *John has read the book* или дуративная конструкция «*be* + причастие на *-ing*», например, *John is reading a book*; 3) композиционные видовые образования, которые возникают в результате воздействия различных членов предложения на общую видовую характеристику предложения.

В немецком языке образование перфектного времени при помощи вспомогательных глаголов *haben* или *sein* зависит от лексического вида глагола. Длительные глаголы образуют перфектное время посредством глагола *haben*, а результативные глаголы посредством глагола *sein* [13].

Использование страдательного причастия только в пределах конструкции со значением совершенного вида является типичным для русского языка. При указанном видовом значении причастного пассива несочетаемость страдательного причастия и несовершенного вида легко объяснима. Несовершенный вид глагола представляет действие в его течении, в процессе совершения. Совершенный вид глагола представляет действие как ограниченное, в его пределе, в его результате [4, с. 424]. Некоторые лингвисты считают, что именно совершенный вид в отличие от несовершенного имеет значение перфектного времени [14]. Мы утверждаем, что причастный пассив обозначает действие вместе с его результатом. Поэтому причастный пассив сочетается только с совершенным видом. В то же время мы нашли объяснение тому факту, что при отрицании причастный пассив может сочетаться с несовершенным видом. Известно, что результативный вид + отрицание дает длительный вид [12, с. 151]. Другими словами, если глагол обозначает действие, которое могло бы достигнуть результата, но используется с отрицанием, то это ведет к обозначению действия, не достигающего результата, т. е. к образованию длительного вида. Очевидно, отрицательный причастный пассив обозначает действие, не достигающее результата, и таким образом может сочетаться с несовершенным видом, например, в предложении *Пол не мыл*. Невозможность образования причастного пассива у одноактных глаголов на *-нуть* также служит еще одним примером невозможности сочетаемости видовых конструкций типа «вспомогательный глагол + причастие» с лексическим видом.

Зависимость образования причастного пассива от лексического вида глагола дает также объяснение того факта, что многие переходные глаголы не образуют причастного пассива. Объяснение заключается в том, что переходность не определяет возможность образования причастного пассива. Те переходные глаголы, которые не образуют причастного пассива, имеют, очевидно, лексический вид, который не сочетается по семантическим причинам с причастным пассивом. Следует установить общий принцип, согласно которому возможность образования причастного пассива зависит не от переходности, а от лексического вида глагола и составного вида предложения. Ю. А. Пуупинн предполагает, что предельность действия определяет возможность образования страдательного залога. Предельность действия — это, безусловно, выражение способа действия, и этим Ю. А. Пуупинн признает сочетаемость страдательного залога с лексическим видом. Однако мы не можем согласиться с мнением Ю. А. Пуупинна, что предельность действия определяет возможность образования и причастного пассива, и возвратного пассива несовершенного глагола [3, с. 31—32, 34]. По нашему мнению, видовой характер и тем самым сочетаемость с лексическим видом свойственны только причастному пассиву.

Правильность теории видового характера причастного пассива имеют и другие подтверждения. Мы отмечали выше, что причастный пассив обозначает состояние, которое возникает как следствие предыдущего действия. В этой дефиниции значение действия бесспорно: не подлежит сомнению, что страдательная конструкция выражает действие. Но наличие состояния может быть спорным и требует доказательства. У причастного пассива три формальных признака значения состояния. Во-первых, *быть* как самостоятельный глагол имеет явно статическое значение. Поэтому мы можем сказать, что вспомогательный глагол *быть* тоже имеет статическое значение, а именно значение состояния. Во-вторых, после полнозначного глагола *быть* выступает имя прилагательное, а имя прилагательное обозначает состояние. В-третьих, страдательное причастие имеет окончания прилагательного: эти окончания свидетельствуют о значении состояния у страдательного причастия (Л. Х. Бэбби и Р. Д. Брехт предлагают рассматривать *-ен-* как суффикс, образующий имя прилагательное [15]). Ю. А. Пуупинн считает, что значение пассивной формы СВ представляет собой семантический комплекс, в составе которого имеются два элемента: а) действие (конкретный факт); б) состояние (результат действия). В каждом случае употребления в значении формы обязательно воспроизводится оба указанных элемента. Между тем во внеязыковой действительности действие и состояние-результат находятся в отношениях последовательности, а именно: конкретный факт предшествует состоянию во времени [3, с. 117]. Важно отметить, что результативным значением обладает только причастный, а не возвратный пассив. Ср. высказывание С. Карпецкого: «Русский пассив отличается тем, что он представлен в двух разновидностях. Одна из этих разновидностей — истинный пассив, в котором сказуемое является пассивным причастием прошедшего времени. Оно перфективно и по значению близко к именному предложению, ср. *Поле вспахано*. Этот тип, полуглагольный и полумименной, выражает идею результативного состояния. Другая разновидность пассива образуется возвратной формой соответствующего глагола, например, *Поле вспахивается*. Собственно говоря, это не пассив, а имперфективный вариант предыдущей разновидности» [16].

Еще один показатель видового характера причастно-страдательного

оборота в русском языке — формальная близость причастно-страдательного оборота к перфектной конструкции в других языках. Причастно-страдательный оборот русского языка образуется при помощи вспомогательного глагола «*быть* + страдательное причастие». Перфектная конструкция, например, в английском языке, образуется при помощи вспомогательного глагола *have* + перфектное причастие, причем перфектное причастие и страдательное причастие являются омонимами. Это сходство не может быть случайным. Если перфектная конструкция в английском языке — видовая конструкция, можно предположить, что причастно-страдательный оборот в русском языке — тоже видовая конструкция.

Русский причастно-страдательный оборот очень близок к перфектной конструкции в других языках также и по значению. Перфектная конструкция имеет прежде всего результативное значение: она выражает наличие в настоящем результате прошедшего действия [14, с. 211]. Упомянутое выше видовое значение причастно-страдательного оборота — также результативное, оно также выражает действие и его результат. Значение причастного пассива вполне соответствует значениям других видовых конструкций типа «вспомогательный глагол + причастие», особенно с перфектным значением. Следует также заметить, что полнозначный глагол *быть* в русском языке выполняет притяжательную функцию полного глагола *have* в английском языке, например, *У меня есть книга* = *I have a book*. Притяжательное значение полнозначного глагола *have* тесно связано с результативным значением вспомогательного глагола *have* в перфектной конструкции [17—19]. Поэтому не следует удивляться, что полнозначный глагол *быть* получает результативное значение в качестве вспомогательного глагола в причастно-страдательном обороте.

Русисты признают, что причастный пассив иногда не только похож на перфектную конструкцию, но и выступает в роли перфектной конструкции. Речь идет о причастном пассиве в настоящем времени, например, *Дом построен* [14, с. 208; 20]. Однако если причастный пассив имеет перфектное значение в настоящем времени, он вряд ли может утрачивать это значение в прошедшем времени. Причастный пассив обладает перфектным значением во всех временах. При этом не следует называть это значение перфектным. Надо признать причастный пассив самостоятельным видовым образованием с собственным результативным значением. Это и делает Ю. А. Пупынин. Он пишет: «Основной функцией СВ в пассиве, как и в активе, является конкретно-фактическая функция. Особенности в ее выражении сводятся к тому, что в пассиве доминирует перфектный вариант указанной функции, между тем как в активе перфектный вариант не является доминирующим. Необходимо отметить, что доминирование перфектности возникает в пассиве благодаря регулярному воспроизведению в значении аналитической пассивной формы СВ элемента действия (конкретного факта) и элемента состояния-результата. Вследствие этого перфектность как семантический элемент в значении указанных форм обнаруживает тенденцию к категоризации и пронизывает всю картину семантических функций СВ в пассивных конструкциях» [3, с. 157—158].

В заключение отметим, что остальные противоречия залоговой концепции причастного пассива также снимаются в рамках видовой концепции. Причастно-страдательная конструкция формально сильно отличается от актива, т. к. между ними наблюдаются существенные семантические различия. Наличие вспомогательного глагола *быть* и причастной

формы связано с выражением состояния. В этом семантическое отличие пассива от актива, которое все чувствуют, но не могут объяснить.

Действующее лицо факультативно в причастном пассиве, хотя обязательно в активе, потому что актив и пассив не являются взаимодополняющими категориями. Актив — это гипотетическая категория, которую грамматисты постулировали для объяснения страдательной конструкции и которая становится лишней в рамках видовой концепции. Причастный пассив — это самостоятельная конструкция, в которой действующее лицо факультативно. Она имеет свои особенности также и в области категории времени. Предполагать наличие аналогичных временных форм как в активе, так и в причастном пассиве не имеет смысла, потому что причастный пассив — самостоятельная конструкция.

Таким образом, причастный пассив «быть + страдательное причастие» следует рассматривать как видовое образование типа «вспомогательный глагол + причастие», а не как залоговую конструкцию. Что же касается значения причастного пассива, то он вовсе не синоним актива: он обозначает состояние, которое возникает под воздействием предыдущего действия. Сочетаемость причастного пассива определяется лексической видовой характеристикой глагола и композиционной видовой характеристикой предложения, а не переходностью глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beedham C. The passive aspect in English, German and Russian. Tübingen, 1982.
2. Beedham C. The passive in English, German and Russian // *Journal of linguistics*. 1981. V. 17.
3. Пупынин Ю. А. Функционирование видов русского глагола в пассивных конструкциях (К проблеме взаимосвязей категории вида и залога): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
4. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1960.
5. Адамец П. Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы // *Papers on functional sentence perspective* / Ed. by Daneš F. Prague, 1974.
6. Harrison W. Expression of the passive voice. Cambridge, 1967. P. 31.
7. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. С. 159.
8. Rážička R. Versuch einer Modellierung des genus verbi moderner slawischer Sprachen im Rahmen der generativen Transformationsgrammatik // *ZfSl*. 1968. Hf. 2.
9. Walther G. Genus verbi «Passiv» // *Linguistische Arbeitsberichte*. 1972. 5. S. 63.
10. Verkuyl H. J. On the compositional nature of the aspects // *Foundations of language. Supplementary series*. 1972. V. 15.
11. Friedrich P. On aspect theory and Homeric aspect // *IJAL*. 1974. 40. Memoir 28. P. 4.
12. McCoard R. W. The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences. The Hague, 1978. P. 9.
13. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1977. S. 72.
14. Лебедева Г. Ф. Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке // *Вопросы истории русского языка* / Под ред. Кузнецова П. С. М., 1959.
15. Babby L. H., Brecht R. D. The syntax of voice in Russian // *Language*. 1975. № 2. P. 352.
16. Karcevski S. Système du verbe russe. Prague, 1927. P. 120.
17. Benveniste E. The passive construction of the transitive perfect // *Benveniste E. Problems in general linguistics*. Florida, 1950.
18. Benveniste E. The linguistic function of «to be» and «to have» // *Benveniste E. Problems in general linguistics*. Florida, 1950.
19. Лебедева Г. Ф. Качественный и посессивный оттенки перфектного значения глагольных форм прошедшего времени // *Вестник МГУ*. 1959. № 3.
20. Comrie B. Aspect. Cambridge, 1978.